

КОНТЕКСТ КАК СРЕДСТВО СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ

М.В. Оборина

Тверской государственной университет, Тверь

В статье представлено осмысление опыта интерпретации и перевода текста повести А. Платонова с помощью контекстов, развёрнутых в образах и описаниях. Средства образности уточняют контекст, отмечают существенные его черты. Выдвигается предположение о принципиальной доступности смыслов иной культуры. Смыслы текста существуют в нём объективно, но не в качестве означаемого при установленном знаке.

Ключевые слова: образность, контекст, перевод, культура, герменевтика, смысл, идентичность.

Для филологической герменевтики контекст является механизмом создания и расширения горизонта читателя. Идеальное содержание текста представлено единственно доступным текстом способом – в образах. Основное средство образности – производство контекстов, в которых реализуется образность каждого слова, конкретность каждой познавательной ситуации, субъективная значимость каждой идеи. Контекстуальность в отличие от ситуативности является гарантией самоидентичности текста как при интерпретации в собственной культуре, так и в переводах на другие языки. Ситуативность же прочтения присутствует в виде той переменной, которая привносится каждым интерпретатором (читателем). Эта ситуативность определяет экспектации реципиента и обусловлена степенью субъективной понятности текста, исторической ситуацией чтения, субъективностью коллективного реципиента и предпочтениями индивидуального реципиента (см.: [1]). По словам Р. Якобсона, «искусственная трактовка сообщений без обращения к предполагаемому контексту ... подтверждает неправомочность превращения простой части в кажущееся самостоятельное целое. Нужно учитывать зависимость сообщения от ситуации, относящейся к данному моменту времени, когда речевое событие “пространственно включено” в целое “с пространственной протяжённостью”» [6: 304].

Согласно Р. Якобсону, «весь познавательный опыт и его классификацию можно выразить на любом существующем языке. Там, где отсутствует понятие или слово, можно разнообразить и обогащать терминологию путём словозаимствований, калек, неологизмов, семантических сдвигов и, наконец, с помощью парафраз» [5: 19]. То же самое можно сказать и о грамматических структурах: «Отсутствие в языке перевода какого-либо грамматического явления отнюдь не означает невозможности точной передачи всей понятийной информации, содержащейся в оригинале.<...> В своей когнитивной функции язык минимально зависит от грамматической системы языка, потому что определение нашего опыта находится в комплементарном отношении к металингвистическим операциям; когнитивный уровень языка не только

допускает, но и прямо требует перекодирующей интерпретации, т.е. перевода. Предполагать, что когнитивный материал невозможно выразить и невозможно перевести – значит впадать в противоречие» [цит. раб. 22]. Языковые средства позволяют постичь неизвестное благодаря разворачиванию контекстов в комментарии, объяснении, образности независимо от того, идёт ли речь об одном языке или о разных языках.

Коммуникация между разными культурами происходит посредством обмена текстами, как устными так и письменными. Через этот обмен – перевод – люди знакомятся не только с новыми языками, но и с новыми способами освоения мира. В то же время такое же освоение другого языка и другого способа когниции происходит и в ходе чтения текста на родном языке. Связь языка и культуры (как коллективной, так и индивидуально присвоенной) является очень тесной и всегда может быть усмотрена в тексте. Перевод и сам всегда включён в контекст отношений между культурами, способами мышления и видения мира. П. Ньюмарк (P. Newmark) [8: 183–185] пишет, что язык, отчасти, и есть отражение культуры. Можно пойти дальше и сказать, что язык есть также осмысление (в том числе и для себя) этой культуры. При этом межъязыковой перевод стремится наиболее точно изучить представленную в тексте оригинала культуру для наиболее адекватного воссоздания её на языке перевода. А значит – любая культура очень многим обязана переводу. Так, в истории немало случаев межкультурного переноса целых жанров литературы. Вместе с тем, перевод наиболее ярко подчёркивает сложность и разнообразие языкового представления мира в текстах различных видов словесности (жанров). Кроме того, перевод нередко выступает инструментом оценивания качества текста.

Мы часто используем выражение «переводимая и переводящая культуры», подчёркивая роль языка и текста в представлении культуры (хотя, вне сомнения, эти отношения гораздо более сложные и не однонаправленные). Нас не удивляет сложность понимания культуры, значительно отстоящей от нас в пространстве и времени, но даже в пределах взаимодействия однонациональных культур, не разнесённых далеко во времени, и культур, относимых к одному западному или восточному типу, возникают проблемы восстановления контекстов. Язык, укоренённый в культуре, имеет собственную индивидуальность и воспринимается его носителями как часть этой культуры. Таким образом, различие между языками лежит не только и не столько в системе языка.

Способность человека к рефлексии над собственным опытом и собственным пониманием делает возможным освоение всех типов ситуаций (от знаковых до объективно-реальностных и субъективно-реальностных) [1]. Возникающие при чтении герменевтические ситуации – непонимание, связанное со свёрнутостью контекста. Свёрнутость контекста осуществляется разными средствами и связана с реализацией свойственных данному типу текста тенденций текстопостроения. Ситуации непонимания знаковых ситуаций разрешаются различными способами расширения контекста,

направленными на увеличение избыточности путём перефразирования, расширения описательности, использования повторов и синонимии. Непонимание на уровне объективно-реальностных ситуаций (познавательных ситуаций) разрешается расширением контекста, направленным на увеличение эксплицированности (субъективной понятности) текста – введение комментариев, уточнения детализации, сравнения, иллюстрирования, других способов увеличения разнообразия. Непонимание, возникающее на уровне субъективно-реальностных ситуаций, может быть преодолено только за счёт восстановления или построения смыслов на основе контекста, порождённого ситуацией деятельности автора (см. определение смысла Г.П. Щедровицким как всех связей и отношений в ситуации деятельности) [7]. Такие контексты имеют субъективно ситуативную природу, но при этом остаются объективно контекстуальными и укоренёнными в образах текста. Восстановлению контекста способствуют приёмы актуализации. Часто все три типа понимания задействуются одновременно и опираются друг на друга, например, контекст уточнения актуального смысла слова входит в когнитивный контекст освоения ситуации и субъективно значимый контекст. Содержания, являющиеся объектом когнитивного понимания, доступны вне зависимости от текстовой формы. Но использованный ими конкретизируемый образ со всеми своими гранями, выводит к смыслам при актуализации формальных средств. Вербализованный и невербализованный контексты образуют единую художественную реальность, составляющую горизонт текста и становящуюся доступной реципиенту.

Если языки как культуры противопоставлены системами национально-языковых значений, то потенциальные, реализуемые в строящихся контекстах системы смыслов (художественных, нравственных и прочих идей) делают тексты в различных культурах и сами культуры взаимопонятными и взаимодоступными (см.: [1]).

Пространственно-временные границы сообщения расширяются до границ культуры, так как язык не может быть интерпретирован как изолированное и герметически закрытое целое, а должен рассматриваться одновременно и как целое, и как часть (*signum* как целое, а *signans* и *signatum* – как его тесно сопряженные части) (см.: [6: 304]). Важной структурной особенностью языка является то, что ни на одной из стадий расчленения высших единиц на составляющие их части невозможно встретить фрагменты, которые не несут никакой информации, что является проявлением принципа достаточности языковой формы и закона универсальной субститутивности [4]. Вместе с тем, тенденции текстопостроения реализуются на языковом уровне, но их универсальный характер позволяет им проявляться в любом языке и в любой культуре. При достижении некоторого критического числа средств реализации текстообразующих тенденций, эти средства становятся носителями смыслов, доступными реципиентам независимо от меры отдалённости языков и культур. Контексты культуры, таким образом, взаимопроницаемы.

Соотношение частей и целого должно использоваться и при интерпретации текста. Обращение к ним имеет форму герменевтического круга и направлено как в сторону целого (выбор жанров и иных конструктов), так и в сторону частного (тенденций текстопостроения, элементов достаточности речевой формы).

Художественные тексты являются не отражением действительности, а её творением. Самые сложные типы понимания текстов восходят (хотя и не сводятся) к освоению знаков быденного языка: текст закрепляет в языковых формах модель отношений действительности, точнее – освоение её человеком. При этом слово как слово и слово как метасмысл, т.е. вместилище многочисленных контекстуальных (актуальных, потенциальных) смыслов, иногда не различаются, хотя метасмысл, закреплённый словом быденного языка, в смысловом отношении всегда богаче слова, употреблённого в тексте (см.: [2, 3]). Слово текста представляет лишь одну его грань, а слово как метасмысл – и другие его грани, не номинированные в тексте этим словом. Распредмечивающее или феноменологическое понимание построено на распредмечивании идеальных реальностей, презентуемых не только средствами прямой номинации, но опредмеченных в средствах текста. Оно позволяет «восстановить системомыследеятельностную ситуацию и мир смыслов продуцента текста», иными словами – *Erlebnis* автора; но восстановление это идёт через *Erlebnis* читателя [1].

Рассмотрим возможные сценарии воссоздания и построения контекстов при преодолении непонимания в разных герменевтических ситуациях на примере перевода / интерпретации текста повести А. Платонова «Сокровенный человек». Прежде всего, отметим, что само название повести поддается осмыслению и переводу только в контексте достаточно осмысленной и объёмной дроби текста (напомним, что дробью текста называют отрывок, размеры которого позволяют говорить о частичной целостности и законченности, образованных микроконтекстом). В начале первой главы повести описаны трудовые будни Пухова, который есть одновременно и главный герой повести, и рассказчик, чьё видение составляет основу нарратива, перемежаясь с точкой зрения внешнего рассказчика, комментирующего поступки и мысли главного героя. Довольно сложная специфическая среда обитания Пухова представлена глазами героя как быденная и не требующая явных и пространных объяснений как таковых. Вместе с тем, объективно-реальностьная действительность текста далека не только от культурных иноязычных реципиентов (к опыту работы с которыми я обращаюсь в своём исследовании), но и от реципиентов-носителей языка, не имеющих отношения к конкретной профессиональной области. При этом, идеальные реальности текста усматриваются вне зависимости от ситуаций непонимания в знаковых или объективно-реальностных (когнитивно-познавательных) ситуациях. Текст Платонова представляет собой особый жанр текста и по выбору образа автора, и по смешению языковых регистров и видов словесности. Выбор формы подлежащего индивидуации текста является значимым для преодоления

непонимания субъективно-реальностной ситуации – идеальной реальности текста.

Рассмотрим несколько примеров, которые представляли сложность для понимания и потребовали разворачивания разных видов контекстов. Выделение жирным шрифтом сделано для наглядности последующих объяснений. Примеры взяты из первой главы повести по изданию [9].

(1) Начальник дистанции сел на круглый стул у вытуклого окна, откуда он управлял всей работой паровоза и снегоочистителя, а Пухов стал у балансира. Рабочие тоже встали у своих мест, у больших рукояток, посредством которых по балансиру быстро перекидывался груз — и балансир то поднимал, то опускал снегобросный щит.

(2) Паровоз крикнул, машинист открыл весь пар, а Пухов передвинул оба рычага, опуская щит с ножами и развертывая крылья. Сейчас же снегоочиститель сдал скорость и начал увязать в снегу, прилипая к рельсам, как к магнитам.

(3) Остальные люди на паровозе и на снегоочистителе грубо выразались на каком-то самодельном языке, сразу обнажая задушевные мысли. — Пару мало! Пошуруй топку и просифонь, чтоб баланец загремел, — тогда возьмем! — Вдруг бешено заревел баланс паровоза, спуская лишний пар.

(4) Пухов рванул рычаг и поднял щит. Подъезжали к переезду, где лежали контррельсы. Такие места проезжали без работы: щит снегоочистителя резал снег ниже головки рельса и не мог работать, когда у рельса что-нибудь находилось — тогда снегоочиститель опрокинулся бы. Проехав переезд, снегоочиститель понесся открытой степью.

(5) Снегоочиститель, имея жесткие рессоры, гремел, как телега по кочкам, и, ухватывая снег, тучей пушил его на правый откос пути, трепеща выкинутым крылом; это крыло назначено было швырять снег на сторону — то оно и делало.

(6) Паровоз брал воду, помощник машиниста чистил дымовую коробку, топку и прочее огневое хозяйство.

В примере (1) слово «балансир», незнакомое как носителям, так и не носителям русского языка, становится центром притяжения ситуации и объясняется путём иллюстративного описания и повтора слова в разных ситуациях действия: это нечто большое (возле него можно встать, он управляется большими рукоятками, требует работы нескольких человек, сложной системы управления, он связан с работой некоего снегобросного щита). Иллюстрация работы балансира способствует и когнитивному освоению ситуации посредством воссоздания контекста коллективной работы приведения в действие механизма. Идеальностный контекст связан как с когнитивным, так и со знаковым – рабочие и оборудование представлены как части одного механизма. Балансир приобретает черты живого существа (метафорическое олицетворение – действия балансира кажутся самостоятельными в параллельных структурах), а рабочие и Пухов перечислены в ряду всех остальных железных механизмов. Кроме того, смыслообразующий контекст подкрепляется использованием просторечной формы «стал» наряду с формой «встал» – имплицитно смысл «привычное действие».

(2) Работа снегоочистителя описана в последовательности действий («передвинул», «опуская», «развёртывая»), что позволяет представить себе функциональное назначение и строение снегоочистителя. Это важно при

подборе соответствующих лексических единиц в переводе, поскольку проблема состоит не в знаковой ситуации, а в ситуации объективной реальности – необходимо знать: как работает прибор, чтобы адекватно перевести названия его частей. Создаваемый контекст прежде всего когнитивно значим и иллюстрирует работу, действия людей и машин. Помимо объективно-реальностной ситуации понимания требует идеально-реальностная ситуация – паровоз «кричит», снегоочиститель «развёртывает крылья» и «прилипает к рельсам как к магнитам». Образ прикладывающих усилия к выполнению работы снегоочистителя и паровоза уточняется олицетворением и созданием атмосферы напряжённого действия, с быстро меняющимися событиями в паратактической организации абзаца.

(3) Прямая речь рабочих (их «задушевные мысли») содержит просторечные и не вполне понятные слова, смысл которых проясняется только в контексте развивающихся событий. Просторечный «баланец» синонимически передаёт значение «баланс», описание действий которого, в свою очередь, позволяет понять принцип работы, а предлагаемый рабочими способ справиться с проблемой выводит к смыслу употреблённого в данной ситуации слова (хотя и не к его семантизации). Идеальностная ситуация задаётся авторской точкой зрения, сопологающей комментарий и прямую речь героев в одном контексте – смысл «простота, искренность и полное слияние людей с вверенным им делом». Олицетворение при описании работы баланса вновь подчёркивает симбиоз людей и машин.

(4) Паратаксис при описании прохода через переезд конкретизирует рабочую атмосферу (короткие предложения, подробное и детальное пояснение образуют контекст субъективно значимой ситуации, каждая деталь которой существенна для героев). Олицетворение и попеременные действия людей и машин в одном контексте снова подчёркивают их симбиоз.

(5) Детальное описание работы снегоочистителя конкретизирует когнитивную ситуацию, расширяя её до внешнего контекста (снег, степь, пути). Метафорические олицетворения («гремять», «ухватывать», «назначено», «трепеща ... крылом») и эпитеты («выкинутое крыло») делают механизм сотрудником-соратником людей. Смысл «добросовестность» и «старание» не является предъявлением готовой и привычной субъективной черты. Этот смысл не существует в качестве означаемого при каком-то установленном знаке, а появляется в результате рефлексии читателя над разворачивающимися контекстами и своим пониманием.

(6) Действия людей и машин в ситуации остановки работы представлены как параллельные (параллельные конструкции, олицетворение, перечисление и метафоризация). Контекст конкретизирует понятие «дымовой коробки» как части «огневого хозяйства», близкого к топке. Детализация описания помогает освоить реальностную ситуацию. Идеально-реальностная ситуация продолжает смысл «совместности деятельности машин и людей» не только в работе, но и на отдыхе.

Художественное освоение мира является не просто когнитивно ценным, но и субъективно значимым, ценным опытом индивида. Все средства образности от эпитета до метафоры основаны на конкретизации, детализации контекста. Так, эпитет как образное определение отмечает существенную для данного контекста черту в изображаемом явлении; синонимы (в том числе контекстуальные) позволяют уточнять мысль и передавать её различные смысловые оттенки. Кроме того, синонимия уточняет и детализирует знаковый контекст, вербально эксплицирует когнитивный контекст и создаёт субъективно-реальностный образный контекст. Метафоры в тексте также повышают объяснённость ситуации за счёт образного представления смыслов и выявления новых, субъективно переживаемых аспектов смысла. Вид словесности текста оригинала также играет существенную роль в переводе. Отсутствие того или иного вида словесности в языке перевода при его наличии в языке оригинала осложняет понимание и работу переводчика. Тем не менее, все усмотренные при помощи расширяемых контекстов смыслы и будут составляющими жанра текста при его переводе. Учитывая, что жанр всегда индивидуален, язык не станет препятствием в переводе текста определённого жанра на другой язык, поскольку такие метасредства, как тенденции текстопостроения и их баланс, важнее принадлежности текста к тому или другому языку.

Список литературы

1. Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в герменевтику [Электронный ресурс] / URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/bogin_obretenie (дата обращения: 20.03.2016).
2. Кубрякова Е.С. Герменевтика и проблема понимания отдельных языковых единиц // Понимание и рефлексия. Материалы Третьей Тверской герменевтической конференции. Тверь: ТГУ. 1993. Ч.1. С. 137–141э
3. Литвинов В.П. Феномен слова // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2009. № 29. С. 101–119.
4. Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику. Саратов: Саратов. ун-т, 1985. 210 с.
5. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения, 1978. С. 16–24.
6. Якобсон Р. Часть и целое в языке // Р. Якобсон. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 301–306
7. Щедровицкий Г.П. Смысл и значение // Щедровицкий Г.П. Проблемы семантики. М.: Наука, 1974. С. 76–111.
8. Newmark, P. Approaches to translation.. Pergamon. UK. P. 1981. 200 p.

Источник примеров:

9. Платонов А. Повести и рассказы. М.: Советская Россия. 480 с.

CONTEXTUAL RECONSTRUCTIONS IN INTERPRETATION

Marina V. Oborina

Tver State University, Tver

The paper analyzes the expertise of text analysis and translation of a story by A. Platonov. The interpretation was assisted by the contextually supported images and descriptions. Imagery serves to the specification of context, identification of its key features. The important statement of the essential accessibility of ideas by alien cultures is put forward. Ideas (in the form of their smallest units – senses) exist in the text as objective entities but they are not signified directly.

Keywords: *philological hermeneutics, comprehension, imagery, translation, culture, identity.*

Сведения об авторе:

ОБОРИНА Марина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Тверского государственного университета, e-mail: mobor@mail.ru